

Продолжение. Начало в № 3, 4, 6 (2017) и № 1 (2018)

Мемуары В.Г. Шапрон дю Ларре

«Мономах» продолжает публиковать воспоминания офицера царской армии В.Г. Шапрон дю Ларре, написанные им в эмиграции во Франции. На страницах дневника дворянин рассказывает о революционной России, при этом не скрывает неприязни к новой власти. Не имея зачастую достоверной информации, он по-своему передает суть происходящего.

*V.G. Shapron du Larre
1947*

В.Г. Шапрон дю Ларре

Глава IV Возвращение в Симбирск (печатается с сокращениями)

По возвращении в Симбирск с огромной радостью я нашел всю свою семью в добром здравии. В тот же вечер мы с женой нанесли визит нашим друзьям – семейству барона Розена¹. До войны барон был полковником уланского полка, расквартированного в Симбирске. Мне не терпелось узнать о ситуации в Сызрани. Супруги Розен только что прибыли оттуда. Эскадрон барона, стоявший в резерве, был распущен. Кавалерийский полк тоже был в состоянии роспуска, солдаты приняли сторону большевиков и в любой момент могли выступить против офицеров. Командир отряда, стоявший еще во главе, был в состоянии ожидания сложения своих полномочий. От барона я узнал, что в Симбирске есть другой эскадрон под командованием молодого лейтенанта, с которым он немного знаком, и предложил мне на следующий день встретиться с ним.

Лейтенанту Арнольду Гертвигу², который жил в Троицкой гостинице, было 24 года. Родом он был из прибалтийских земель, отец его родился в Риге, мать в Берлине. В военных сражениях участвовал с начала войны и был трижды ранен. По причине ранения послан для формирования и сопровождения на фронт эскадрона-подкрепления.

Известие о революции и прорыве фронта застало его в Симбирске, где он был вынужден остаться в ожидании дальнейших событий.

Как большинство русских офицеров прибалтийских кровей, он был очень порядочен. Его уважали и ценили подчиненные, и до последнего момента существования эскадрона он оставался настоящим командиром. Когда мы пришли, он как раз составлял донесение своему полковнику в Сызрань, почта не работала, и донесение отправлялось с посылным. Лейтенант принял меня очень радушно, и при нас добавил в текст письма информацию обо мне. Написав, что, отправляясь в Сызрань, я заболел в дороге и не смог продолжить путь. И лично поручившись, он спросил разрешения у полковника Павлова зачислить меня в свой эскадрон. Через два дня Гертвиг получил ответ с согласием о моем освобождении от службы и разрешении жить дома. Теперь я мог спокойно жить дома, будучи военно-обязанным.

Троицкая гостиница

Прежней армии в России больше не было. Большевики распустили большую часть солдат, оставались еще некоторые части благодаря своим командирам. Забота о поддержании войска, лошадей, проблема с питанием и обмундированием легла на их плечи.

Власти из-за проблем с продовольствием вынуждены были прибегать к силе и проводить обыски в деревнях, изымать продукты, в основном хлеб. Для выполнения работы власть, не имея своей армии, обращалась к Гертвигу и другим командирам. Выполняя просьбу властей, отряды использовали ситуацию, чтобы заодно вернуть добро, растащенное крестьянами.

Когда крестьяне стали грабить спиртзаводы, Гертвиг договорился с властями и отправился с отрядом вылить оставшиеся там бочки. После каждого такого поручения, отряд привозил несколько бочек для солдат и другие необходимые вещи.

Чаще всего я у него встречал лейтенанта 13 гусарского полка Ивана Манштета³ – сына бывшего управляющего моих друзей, актера еврея по фамилии Молоков⁴. Был среди них добрый и чрезвычайно одаренный, хорошо говоривший по-русски австрийский военнопленный Кертис⁵.

Однажды вечером, после спектакля в театре, я познакомился с группой большевиков, которые пришли выпить к Гертвигу. Большинство этих «товарищей» были рабочие, кроме двух-трех, вполне приличного, даже интеллигентного вида. Побеседовав с ними какое-то время, я вырвался из их круга и подошел к еще одному члену Совета. Он сидел отдельно и пил пиво. Это был прусский капитан в форме без погон, запрещенных правительством

большевиков как военный атрибут. Он выказал мне радушие, особенно узнав от Гертвига о моих швейцарских корнях. Я старался из всех сил понять его, он не знал ни слова по-русски, а я почти не знал по-немецки. Выпив достаточно много пива, капитан стал извергать ругательства в адрес большевиков, совсем забыв, что я знаю кто он. Для того чтобы вызвать его на откровенность, я стал говорить, что тоже ненавижу русский народ, не люблю Россию, и вынужден здесь жить, потому что родители привезли меня сюда. В ответ он назвал всех русских свиньями, и что они наказаны за войну с Германией. Я забыл его фамилию и больше никогда не встречался с ним. Вероятно, он уехал к себе на родину, правительство большевиков всем военнопленным, особенно немцам, предоставило свободу. Остались те, кто хорошо говорил по-русски, мог быть полезным большевикам в России, как лейтенант Кертис.

[...]

За период с ноября по февраль 1917–1918 годов новые власти Симбирска не проявляли особой активности. За что подвергались высмеиванию и критике в театральных и цирковых представлениях. В городе и в деревнях царил анархия. Число воров и убийц росло, полиции и судов не было, армия распущена. Сообщение с другими городами отвратительное, газеты не приходили. Никто не знает, что творится в мире, слухи самые противоречивые ходят среди населения, живущего в страхе и ненависти друг к другу. Все безо всякой надежды ждут чего-то. Я ходил в форме солдата, что не раз мне помогало.

Во главе губернии был Совет,

состоявший, как я уже упоминал, из голодранцев и безграмотных людей. С каждым днем ощущался недостаток продовольствия. К счастью, мы не испытывали нужды в еде, мне удалось запасти много муки, меда и других продуктов. Также у нас было 4 коровы, поэтому и молоко у нас было. Мои дети были еще маленькими, самому старшему – 7 лет. Замечательная гувернантка учила их русскому и немецкому языкам, а французская мадмуазель давала уроки французского языка, что было очень удачным, так как в Симбирске в это время ни одна школа не работала.

Среди моих друзей в городе был Евгений Знаменский⁶. Я очень хорошо к нему относился и часто бывал у него в гостях. Имея хорошее состояние и будучи холостым, он снимал большую квартиру, где время от времени собирались его друзья. Как-то раз я познакомился там с военнопленными, их было шесть или семь человек. После революции эти бедняги, освобожденные из лагерей, снимали у Знаменского комнаты. Все они были евреи, но за все время, которое они жили под его крышей, не в чем было их упрекнуть. В тот вечер, когда я был у него, он пригласил на ужин всех этих господ, нескольких друзей и даже одного кузена. Почти все молодые люди были офицерами. Австрийцы, офицеры-евреи, всячески старались вызвать к себе дружеское расположение. Я держался особняком, внимательно слушал. В городе было сложно с продовольствием, особенно с вином, поэтому ужин, накрытый хозяином, был простым. Водка была приготовлена самим хозяином и разбавлена водой, но даже это не нарушило радости присутствующим. Когда собрались расходиться по домам, австрийцы обратились к Знаменскому с

просьбой разрешить пригласить всех на следующий день сюда же на ужин. Он разрешил, а мы приняли приглашение. Итак, на следующий день мы вновь собрались, стол напоминал довоенные времена. Угощение было таким щедрым, вина любых сортов, русские и французские, ликеры и шампанское. Вот так могли себя обеспечивать в провинции военнопленные, когда русские могли раздобыть только хлеб. Этот ужин, вина, предложенные господами, стоили так дорого, значит, у них были деньги. Чтобы в России в это время иметь деньги, нужно было их получать из-за границы⁷.

[...]

Существующее положение угнетало всех, но ничего не менялось, и большевики постепенно захватывали власть. В то время, однако, они еще не были хозяевами в стране, народ готовился к худшему, мы были в полном неведении происходящего в столицах. Однажды в декабре моя жена вернулась из церкви и рассказала, что священник призвал всех на крестный ход против действий большевиков на запрет церковной службы и гонений на священнослужителей.

Большинство жителей города приняли участие в крестном ходе, в том числе и моя жена. Мы вместе с бывшим городским главой Афанасьевым тоже пошли, чтобы посмотреть, сколько человек примет участие в религиозном шествии. Накануне прошел слух, что большевики сделают все возможное, чтобы помешать, и даже если будет нужно, применяя оружие. Поэтому мы тоже взяли револьверы и достаточное количество патронов.

Вскоре мы услышали религиозное пение и увидели появление процессии. Хотя снег шел хлопьями, не было холодно. Мужчины несли тяже-

А.И. Афанасьев.
Городской голова с 1909 по 1917

лые кресты и большие иконы, у женщин были иконы поменьше. Примерно десять тысяч человек приняли участие в этом шествии, трогательно было слышать церковные песни в исполнении такого множества людей. Для меня так было странно слышать посреди падающего снега песнопения, которые поют только на Пасху. Это было знаком, что можно сотворить, если затронуть душу верующего.

Афанасьев сказал мне:

– Мы можем быть спокойны. Большевики не осмелятся напасть на такую толпу.

В самом деле, процессию, которая длилась почти до вечера, никто не тронул.

*Продолжение читайте
в следующем номере.*

Перевод с французского
Елены Мироновой,

кандидата филологических наук,
доцента кафедры романо-германских
языков УлГПУ.

Примечания **Татьяны Громовой,**
старшего научного сотрудника

Ульяновского областного краеведческого
музея им. И.А. Гончарова

¹ Барон Отто Михайлович фон Розен, в 1909 году – ротмистр, в 1913-м – штабс-ротмистр 5-го Уланского Литовского его Величества Короля Виктора Эммануила III полка, в войну 1914–1917 гг. полковник (Справочная книжка и Адрес-календарь Симбирской губернии на 1914 г.).

² Неустановленное лицо.

³ Иван Петрович Манчтет (Манштет) (1896–1919), сын П.А. Манчтет, земский начальник 4-го земского уч. Сенгилеевского у., (1916–1919), с 1900-го – председатель Карлинского попечительства. Окончил Николаевское кавалерийское училище в 1916 году. Корнет отдельного корпуса пограничной стражи и 12-го гусарского полка. В белых войсках Восточного фронта в Симбирском уланском полку. Поручик. Убит в октябре 1919-го. (Волков С.В. Офицеры арм.кав. М., 2002).

⁴ Неустановленное лицо.

⁵ Неустановленное лицо.

⁶ Знаменский Евгений Федорович (1885 – ?), юрист, сын А.А. Знаменской, рожд. Делярю, основательницы Гончаровской

библиотеки, известной просветительницы и мецената. В 1904-м окончил Симбирскую мужскую классическую гимназию, в 1910-м – Императорский Казанский университет. С 1916-м – присяжный поверенный в Симбирском окружном суде. После Гражданской войны жил в Иркутске. Подвергался аресту в январе 1933 г., в июле реабилитирован. //Выпускники и ученики Симбирской классической гимназии 1810–1918. (электронный носитель). ГИММЗ «Родина В.И. Ленина».

⁷ В соответствии с требованиями Гаагской конвенции 1907 г. военнопленные, проживающие в России в годы Первой мировой войны, получали денежные переводы от частных фондов Австро-Венгрии и Германии через европейские банки, к примеру Дойче-банк в Германии, имеющие взаимные договоренности с некоторыми российскими банками. Работающие в России в разных хозяйствах военнопленные получали вознаграждение за труд, офицеры – жалование (в зависимости от чина 50–10 руб. в месяц). Это обеспечивало военнопленным сносное существование в условиях разрухи, царившей тогда в России